Устройство и функции биосферы в Коране

Арне А. Амброс, Вена

I. Введение

Наблюдения об устройстве и функции живой природы в коранической картине мира во множестве мест представлены в западной коранистической литературе. Однако до сих пор не существует обобщающего изложения этой области, и настоящее исследование стремится восполнить этот пробел. По самой природе предмета наша работа, разумеется, не претендует на то, чтобы сообщить существенно новое: речь идет о фактах, по отдельности достаточно хорошо известных. Тем не менее их сведение воедино и обзор представляются небесполезными, тем более что именно такое обобщение позволяет увидеть связи, которые не сразу становятся очевидными из многочисленных разрозненных деталей как первичного текста, так и опирающейся на него вторичной литературы.

Методика и цель исследования таковы:

1. Сначала собрать кораническую лексику, относящуюся к живой природе, указать частотность лексем и, как правило, лишь на отдельных примерах показать места их употребления в тексте.
2. Затем рассмотреть контексты употребления выделенных в п. 1 лексем, чтобы определить их смысловую функцию; цитирование контекстов опять-таки будет преимущественно примерным.
3. Наконец, абстрагировать из изученных в п. 2 контекстов общие положения и свести их в частичную картину мира, то есть в картину биосферы как части творения.

Для осуществления этой программы потребовалось ввести ряд принципиальных ограничений.

Полное цитирование всех мест оказалось излишним ввиду наличия различных конкордансов. Помимо известного конкорданса Флюгеля особенно следует упомянуть: Hanna E. Kassis, A Concordance of the Qur'an, Berkeley: University of California Press, 1983. Тем самым удалось избежать ненужного раздувания исследования.

A. В качестве текстовой основы используется исключительно текст Азхара. Другие чтения (qirāʾāt) не проверялись, поскольку для лексико-семантического исследования подобного рода от них вряд ли можно ожидать дополнительной информации, соразмерной затрачиваемым усилиям.

B. Исследование задумано как синхронное и не устанавливает исторических связей с до- и послекораническими условиями. В частности, достоверная или возможная зависимость текста от литературных и иных источников остается за пределами работы. Однако

диахронические изменения внутри самого коранического текста рассматриваются; см. раздел V.

C. Вторичная коранистическая литература цитируется крайне скупо, поскольку, как уже сказано, задача состоит прежде всего в синоптическом сведении фактов, по отдельности уже многократно и более или менее подробно отмечавшихся. Перечислять все соответствующие публикации было бы столь же трудоемко, сколь и бесполезно.

D. Особое внимание не уделяется культовым предписаниям - пищевым и охотничьим законам, жертвоприношениям, упоминаниям доисламских обычаев, - так как по этой области уже имеются достаточные обобщения. Однако лексика соответствующих пассажей последовательно учитывается на этапах 1 и 2.

E. Отбор лексики, относящейся к биосфере, подчинялся следующим дополнительным ограничениям.

a. В принципе учитывались только существительные и субстантивированные прилагательные. Поэтому, например, глаголы, предполагающие в качестве субъекта и/или объекта сущность биосферы, такие как akala «есть», исключались. Прилагательные, которые атрибутивно или предикативно относятся к таким лексемам, для понимания контекста, конечно, важны, но сами как лексемы не учитываются.

Текст Флюгеля в стихах, которые имеют здесь значение, расходится с текстом Азхара лишь дважды и семантически несущественно: 11,40/42 и 56,21. Ср. статью автора о расхождениях между Кораном Флюгеля и Азхара, WZKM 78 (1988), 9–21. Для общего ориентирования достаточно сослаться на комментарий и конкорданс Парета, а по риторическим аспектам - на T. Sabbagh, La métaphore dans le Coran, Paris, 1943, особенно с. 100–110. По вопросам охоты и убоя ср. Erwin Gräf, Jagdbeute und Schlachttier im islamischen Recht, Bonn, 1959.

b. Не учитывались общие понятия вроде rizq «пропитание», tayyibāt «благие вещи», amwāl «имущество», mā fī s-samāwāti wa-mā fī l-arḍ «то, что в небесах и на земле», хотя под ними, конечно, могут подразумеваться и даже исключительно подразумеваться сущности биосферы.

c. Под биосферой понимаются животный и растительный мир. Человек и вне- или сверхчеловеческие разумные существа - ангелы, демоны, Божество, которые, разумеется, тоже являются живыми, - учитываются лишь в их взаимодействии с животным и растительным миром, но сами не образуют лексем биосферы.

d. Части тела животных и человека, а также части растений перечисляются в приложении, но не включаются в анализ, так что в принципе рассматриваются лишь целые живые организмы. Об отборе терминов растительности подробнее см. IV.1. Полностью исключены обозначения предметов, изготовленных человеком: утвари, тканей, пищи и напитков животного или растительного происхождения и т. п.

е. Не учитываются janna/jannāt, если речь идет об Эдеме или Рае без дополнительного описания, а также загадочные множественные формы, стоящие в начале сур 37, 51, 77, 79 и 100 и, возможно, в некоторых случаях обозначающие лошадей.

Из всех этих принципиальных ограничений в отдельных случаях приходится делать исключения; ниже они специально отмечаются.

Следует также заметить, что в цитатах номер стиха по Флюгелю, если он отличается от нумерации текста Азхара, приводится справа после косой черты; все переводы коранических мест выполнены автором по возможности буквально. В коротких пассажах совпадения с другими переводами, разумеется, неизбежны. Ради краткости обычно цитируются не полные стихи, а лишь относящиеся к данному вопросу части.

Лексемы биосферы, собранные с учетом этих ограничений, распределяются по 335 стихам, то есть примерно по 5 % от 6236 стихов текста Азхара. Уже отсюда следует первое наблюдение: биосфера не играет в Коране роли, которую можно было бы считать семантически и концептуально доминирующей.

Примечание: «Эдемом» здесь называется райский сад рассказа о сотворении, а «Раем» - эсхатологический рай.

II. **Общие положения**

Предварим изложение хорошо известным общим фактом: в коранической представлении вся природа, а значит и биосфера, сотворена для человека: 1) как доказательство божественной мудрости и могущества; 2) как доказательство божественной благости и заботы; 3) как предостережение о божественном наказании на Последнем суде. Этот крайний антропоцентризм выражается также в том, что природные процессы и состояния неоднократно называются āya - «знаками» божественной деятельности. Ориентация всего творения на человека прямо выражена в 2,29/27: «Он создал для вас все, что на земле»; в 22,65/64: «Он подчинил вам то, что на земле»; и еще шире в 45,13/12: «Он подчинил вам все, что в небесах и на земле». Превосходство человека особенно выразительно утверждается в 17,70/72: «Мы почтили сынов Адама и возвысили их над многими из тех, кого создали». Сопоставление с 24,45/44 показывает, что среди этих «многих», вероятно, имеются в виду по меньшей мере и животные, хотя используется местоименная форма man, обычно относящаяся к разумным существам. Ср. также 16,13 с lakum «для вас».

Антропоцентризм в рассмотрении природы, конечно, не является особенностью Корана и встречается во многих домодерных картинах мира; однако кораническая степень его выраженности примечательна.

Что касается самой биосферы как особой области сотворенной природы, ее наличие как отдельной понятийной сферы можно проследить по лексеме hayy «живой; живое существо». Пять раз она характеризует Божество, еще пять раз, как и все пять употреблений множественного числа aḥyāʾ, относится специально к разумным существам. Остальные девять употреблений hayy имеют общее значение. Одно из них содержится в единственном коранической высказывании, касающемся биогенеза вообще: 21,30/31 - «И Мы сделали из воды всякую живую вещь».

Остальные восемь употреблений ḥayy находятся в четырех сходных утверждениях о божественной власти создавать и уничтожать жизнь: 3,27/26 - «Ты выводишь живое из мертвого и выводишь мертвое из живого»; сходно 6,95; 10,31/32; 30,19/18.

Другое общее биологическое утверждение встречается лишь в 51,49: «Из каждой вещи Мы создали пару», где «вещь», несомненно, означает живое существо. То, что это общее представление о парности включает и растительный мир, следует из 13,3: «И из всех плодов Он сделал на ней две пары», а также 55,52: «В обоих садах - по две разновидности каждого плода». Общая идея двуполости растительности, очевидно, экстраполирована с некоторых культурных растений, прежде всего с финиковой пальмы.

Итак, Коран ясно располагает понятием особой области живого внутри природы, но сообщает о ней очень немного специфического: происхождение из одного начала и парность. Что касается происхождения из воды, остается открытым, имеется ли в виду филогенез - например, из первичного океана, - или онтогенез из дождевой воды либо семени.

Возникает следующий вопрос: можно ли обнаружить в Коране столь очевидную с современной точки зрения дихотомию биосферы на животный и растительный мир.

Сначала следует отметить, что Коран не знает лексемы общего значения «животное» - ни включающей человека, ни исключающей его. Слово ḥayawān, которое позднее и до сих пор в арабском означает «животное», встречается в Коране лишь один раз, 29,64, в значении «жизнь в будущем мире». Ближе всего к «животному» стоит лексема däbba, но, в соответствии со своим основным значением как субстантивированного причастия от dabba «ползти, двигаться по земле», она обозначает прежде всего сухопутное животное. Это особенно видно из 24,45/44: «Бог сотворил всякую däbba из воды: среди них есть такие, что передвигаются на брюхе, такие, что ходят на двух ногах, и такие, что ходят на четырех»; а также из 2,164/159: «и рассеял по ней [земле] всякого рода däbba», сходно 31,10/9.

Правда, есть два места, где däbba приписывается также небесам: 16,49/51 - «перед Богом падает ниц то, что в небесах и на земле из däbba, а также ангелы»; и 42,29/28 - «и то, что Он рассеял в них обоих [небесах и земле] из däbba». Однако из этого вряд ли следует, что däbba включает летающих животных. В первом месте, как предполагает и Парет, вероятна хиастическая связь «небо/ангелы - земля/däbba»; во втором двойная отсылка вряд ли имеет значение для самого значения слова, особенно ввиду почти дословно сходных 2,164/159 и 31,10/9. Теоретически можно даже подумать о внеземных наземных животных, поскольку «небеса» вовсе не представляются исключительно воздушным пространством. Кроме того, там, где речь прямо идет о биотопе птиц, употребляется не as-samāwāt «небеса», а as-samāʾ «небо» (16,79/81; 22,31/32). Наконец, в 6,38 däbba прямо противопоставляется ṭāʾir «птице».

Поскольку нигде в тексте däbba не связывается с водной средой, ее следует отнести к суше. Остается спросить, охватывает ли она всех сухопутных животных. Против этого будто бы говорит 35,27/25, где координированы «люди, dawābb и anʿām [стадные животные]». Однако такое место, как 55,68 - «плоды, финиковые пальмы и гранатовые деревья», показывает, что союз wa «и» может координировать вид с особо выделенным подвидом. За отсутствием иных ясных данных вопрос о точном объеме däbba среди сухопутных животных приходится оставить открытым, хотя тождество däbba и «сухопутного животного» наиболее вероятно.

Хотя общей лексемы «животное» в Коране не прослеживается, сухопутные, летающие и водные животные объединяются под углом зрения того, что они дают человеку съедобное мясо. Laḥm «мясо» многократно относится к наземным животным, например 2,173/168 laḥm al-ḫinzīr «свинина», один раз к птицам, 56,21 laḥm ṭayr «мясо птиц», и дважды как laḥm ṭariyy «свежее мясо» - 16,14 из соленой воды и 35,12/13 из соленой и пресной - к водным животным. Показательно и объединение сухопутных и водных животных в охотничьей терминологии: ṣayd «охота, добыча» в 5,96/97 соотносится, с одной стороны, с baḥr «водой/морем», с другой - с barr «сушей».

Таким образом, лексическая ситуация оставляет открытым вопрос, знает ли Коран понятие «животное», подчиненное несомненно присутствующему понятию «живое существо». Общие соображения делают это правдоподобным, но надежного лингвистического доказательства нет.

А как обстоит дело с понятием «растение»?

Как и позднейший арабский, Коран знает лексему nabāt, которая первоначально является отглагольным абстрактным существительным от nabata «расти, прорастать», то есть означает «рост, произрастание». Во вторичном конкретизированном значении nabāt означает «растения, растительность», а вне Корана может обозначать и отдельное растение. Абстрактное значение несомненно в 3,37/32: «и Он взрастил ее [Марию] прекрасным произрастанием», где nabāt выступает абсолютным объектом; вероятно, то же имеет место в 71,17/16: «Бог вырастил вас из земли», где усилительный абсолютный объект в переводе обычно опускается. Конкретное значение ясно в 6,99; 7,58/56; 10,24/25 и 18,45/43 - «и смешалась с ней [водой] растительность земли»; 20,53/55 - «различные виды растений»; 57,20/19 - nabāt вянет, желтеет и становится ломким; 78,15 - «зерна и растения». Таким образом, семь из девяти употреблений nabāt представляют вторичное конкретное значение, в основном соответствующее современному общему понятию «растения».

В отличие от «животного», область «растительность» как часть биосферы в Коране понятийно устанавливается достаточно уверенно. Это естественно: растительный мир легче объединить под единым понятием благодаря неподвижной привязанности к поверхности земли, сравнительно единому жизненному ритму и значительно меньшему разнообразию форм, чем у фауны; водные растения, мало доступные донаучному наблюдению, Коран полностью игнорирует.

Растительность теснейшим образом связана с почвой. В Коране сама земля многократно описывается почти как живое существо. Особенно часто говорится об оживлении земли после ее смерти; подробнее см. IV.2.A. Показательно 22,5: «Ты видишь землю безжизненной; когда же Мы ниспосылаем на нее воду, она приходит в движение, набухает и взращивает всякий прекрасный вид»; сходно 41,39. Разумеется, это может быть метафорой, но по крайней мере стоит рассмотреть возможность, что сама почва мыслится как живая, то есть как часть биосферы, а не только как неорганический субстрат растительности. Тогда границы биосферы значительно расширяются.

Подведем итог. Понятийной дихотомии «животные - растения» в Коране установить нельзя; соответственно нет и координационных формул, эквивалентных «животные и растения». Внутри сферы живого (ḥayy) выделяются прежде всего два участка посредством лексем nabāt и dābba, в основном соответствующих «растительности» и «сухопутным животным». Это, несомненно,

согласуется с преобладающими возможностями наблюдения и утилитарными приоритетами аудитории текста. Когда ниже говорится о «животном мире» и т. п., это лишь удобное современное обобщение. Точная протяженность биосферы остается неопределенной: текст не позволяет провести четкую границу между hayy и не-hayy.

В двух следующих разделах рассматриваются коранические лексемы, относящиеся к животным и растениям, и систематизируются утверждения, в которые они включены.

III. **Животный мир**

1. däbba - **сухопутное животное**

Лексема däbba встречается 18 раз, из них четыре раза во множественном числе dawābb; основные вопросы уже обсуждались в разделе II. Дополнительно следует отметить следующее.

a. Подобно всему творению, däbba в любой момент подлежит божественному воздействию и полностью зависит от Бога в своем пропитании. 11,6/8: «Нет ни одной däbba на земле, пропитание которой не было бы на Боге; Он знает ее место пребывания и место покоя [точный смысл двух выражений неясен]; все - в ясной Книге». 11,56/59: «Нет ни одной däbba, которую Он не держал бы за чуб» - метафорически: не держал бы в Своей власти. В этой зависимости от Бога däbba прямо приравнивается к человеку: 29,60 - «Сколько däbba не несут сами своего пропитания; Бог кормит их и вас».

b. В двух местах däbba вовлекаются в карательный суд, навлеченный грехами человечества: 16,61/63 - «Если бы Бог взыскивал с людей за их несправедливость, Он не оставил бы на ней [земле] ни одной däbba»; почти то же в 35,45/44.

c. В знак покорности и däbba падают ниц перед Богом: 16,49/51 и 22,18.

d. Видовое разнообразие däbba служит указанием на действие Бога: 2,164/159 - «и в том, что Он рассеял по ней всякого рода däbba, - знамения»; сходно 31,10/9; 45,4/3; 42,29/28.

e. Примечательная параллель с человеком находится в 6,38: «Нет ни одной däbba на земле и ни одной птицы, летящей на двух крыльях, которые не были бы общинами, подобными вам. Мы ничего не упустили в Книге; затем они будут собраны к своему Господу».

Хотя здесь нет явной эсхатологической ссылки, именно это необычное место стало отправной точкой позднейших рассуждений о воскресении животных. О «собирании» животных, противопоставленном их «рассеянию», говорится также в 42,29/28.

Из пунктов a–e видно, что däbba не обладает самостоятельной текстовой «жизнью»: ее упоминание главным образом служит обобщению утверждений, относящихся к человеку, и тем

самым делает их более настойчивыми. Несмотря на это своего рода равенство с человеком, в керигматическом отношении däbba остается подчиненной человеку.

Интересна аффективно отрицательная формула šarr ad-dawābb «худшие из däbba» в 8,22 и 8,55/57, где с ними сравниваются упорствующие неверующие. Здесь «животное» явно понимается как «ниже человеческого» и используется полемически.

Особые случаи - 27,82/84, где упоминается эсхатологическая däbba, выходящая из земли и говорящая с людьми, и 34,14/13, где земная däbba подтачивает посох уже умершего Соломона.

2. anʿām - **стадные животные**, **скот**

С 33 употреблениями множественное anʿām с большим отрывом является наиболее частой животной лексемой Корана. К этому добавляется одно употребление соответствующего коллективного единственного naʿam. Производная от корня n-ʿ-m «мягкий, нежный, приятный, вкусный» (ср. глагол naʿima «жить удобно, в достатке»), лексема naʿam/anʿām, вероятно, исходно означает «удобства, блага, имущество». Владение скотом выступает гарантией и символом благополучия par excellence. Какие животные входят в anʿām, определяется в 6,143f/144f - месте, по которому шестая сура называется al-Anʿām, - вместе с 39,6/8: овцы, козы, верблюды и крупный рогатый скот. Любопытно, что верблюды, несомненно имевшие для аудитории текста первостепенное значение, сравнительно редко называются отдельно и чаще включаются в общее anʿām.

В тексте anʿām представлены как одно из важнейших благодеяний Бога людям. Их разнообразная польза должна наглядно демонстрировать божественную мощь и благость и побуждать к благодарности. В семи местах (16,5–7; 16,66/68; 16,80/82; 23,21f; 36,71–73; 40,79f; 43,12f/11f) эта польза описывается более или менее подробно: перевозка людей и грузов - где среди anʿām, конечно, имеются в виду прежде всего верблюды, - питание мясом и молоком, получение материалов для одежды и шатров. Особенно примечателен вызывающий удивление пример (ʿibra) божественной заботы - чистое приятное молоко, выходящее из тела животного, содержащего кровь и навоз (16,66/68). Пример молока приводится также в 23,21.

Anʿām дают и один из всего двух случаев, когда Коран прямо находит что-либо в животном мире красивым: 16,6 - «и в них для вас красота»; второй случай - 16,8, см. ниже, п. 4. С другой стороны, в 3,14/12 anʿām наряду с женщинами, сыновьями, драгоценными металлами, лошадьми и пашнями относятся к земным благам, чрезмерное увлечение которыми предостерегается.

То, что anʿām ценятся исключительно утилитарно, а в прочем считаются ниже человека, видно из их отрицательной функции как объекта сравнения для упорствующих неверующих: 7,179/178 и 25,44/46 - они «заблудились еще дальше, чем anʿām»; 47,12/13 - «едят бездумно, как anʿām». Ср. аналогичный конец раздела 1 о dawābb.

Если däbba, как было показано выше, в некотором отношении параллельна человеку перед Богом, то anʿām выступают исключительно как объект человеческого использования. Их единственная функция в Коране - обосновывать обязанность благодарить за божественную благость.

3. **Отдельные стадные животные**

a. Верблюды. Ibil «верблюды» помимо 6,144/145, где определяется состав anʿām, встречается еще лишь один раз - 88,17: «Разве они не смотрят на верблюдов, как они сотворены?» Это единственное место, где конкретный представитель anʿām выполняет ту же функцию указания на могущество и благость Бога, что обычно принадлежит группе anʿām в целом. Слово jamal «верблюд» встречается лишь в 7,40/38 в заимствованном из Нового Завета сравнении с верблюдом, проходящим сквозь игольное ушко; вместо «богатого» там стоят неверующие. Множественное jimāla встречается в 77,33 в необычном для нас сравнении искр адского огня с желтыми верблюдами.

Только в контексте преданий употребляются baʿīr «верблюд» дважды в истории Иосифа (сура 12) и nāqa «верблюдица» семь раз - всегда в рассказе о непокорности тамудитов и их наказании за посягательство на охраняемую Богом верблюдицу, несмотря на предупреждение пророка Салиха. К полю «верблюд» относятся также ʿišār «верблюдицы на десятом месяце беременности» (81,4), которые даже во время апокалиптической смуты конца времен будут оставлены без присмотра; ḍāmir «худой верховой верблюд» (22,27/28) и rikāb «верховое животное, особенно верблюд» (59,6), как средство перевозки в конкретной современной ситуации.

b. Крупный рогатый скот. Помимо 6,144/145, где определяется anʿām, он появляется исключительно в преданиях, восходящих к Ветхому Завету, и один раз (6,146/147) в еврейском пищевом запрете. Baqar «крупный рогатый скот» назван трижды, baqara «корова» - четырежды, baqarāt «коровы» - дважды, в частности в сне Иосифа и в установленном Моисеем жертвоприношении коровы, от которого получила название 2-я сура al-Baqara. ʿIjl «теленок» встречается десять раз - как угощение Авраама гостям/ангелам и как Золотой телец.

c. Овцы. Их упоминание полностью аналогично крупному рогатому скоту: ḍaʾn «овцы» в определении anʿām (6,143/144), ġanam «овцы» в пищевом запрете 6,146/147 и еще дважды в рассказах о Моисее и Соломоне; naʿja «овца-самка» три раза и множественное niʿāj один раз в суде Давида.

d. Козы. Упоминаются только один раз как maʿz в 6,143/144 при определении anʿām.

e. Среди лексики anʿām следует упомянуть технические термины бескровного посвящения животных в доисламской Аравии - baḥīra, sāʾiba, waṣīla, ḥāmī - каждый по одному разу в 5,103/102; там они объявляются не установленными Богом и тем самым отменяются. Их точное значение больше неизвестно. Сюда же относятся названия жертвенных животных hady (семь раз), qalāʾid (два раза) и budn (один раз), вошедшие в исламский культ; точные различия между ними также не вполне ясны. В соответствии с ограничением I.D мы подробно их не рассматриваем и лишь отмечаем, что все эти употребления находятся в мединских сурах и обозначают в основном верблюдов, но также овец.

Под «легендой» автор понимает всякий исторически задуманный коранический рассказ о событиях, предшествующих времени откровения, то есть жизни Пророка.

f. Специальные обозначения внутри anʿām встречаются также в 6,142/143: «из anʿām - вьючные животные и farš»; последнее слово неясно, ср. перевод Парета.

В итоге видно, что названные в этом разделе животные, за единственным исключением ibil в 88,17, не выполняют особой функции в смысловой системе коранической вести. Почти исключительно они встречаются в преданиях и нормативных пассажах, где их упоминание неизбежно диктуется сюжетом. Поэтому общее число около 60 употреблений вовсе не отражает особой важности отдельных животных; особенно удивительно это для верблюдов, о которых можно было бы ожидать гораздо большего. Все существенное для коранической вести высказывается суммарно об anʿām; отдельные животные особого интереса не привлекают.

4. **Лошади**, **ослы**, **мулы**

Роль непарнокопытных в Коране удивительно скромна, если помнить о высоком престиже благородной лошади в древней Аравии. Это отражают лишь два места. В 3,14/12 среди желанных человеку, но малозначимых sub specie aeternitatis владений названы al-ẖayl al-musawwama «меченые/отборные лошади»; в 16,8 как знаки творческой мощи и благости Бога названы «лошади, мулы и ослы, чтобы вы ездили на них и как украшение». Последнее место, наряду с сочетанием anʿām и jamāl «красота» в 16,6, - единственный отголосок эстетической радости от животного, прямо не сводимой к явной практической пользе. H̱ayl «лошади» еще трижды упоминаются: два раза (8,60/62 и 59,6) как мусульманская конница в борьбе против Мекки и один раз (17,64/66) как конница сатаны.

Множественное bigāl «мулы» встречается только в только что процитированном месте. Осел упоминается еще четыре раза. В 2,259/261 ḥimār «осел» фигурирует в предании. В 31,19/18 уродливость ослиного голоса подчеркивается в наставлении мудреца Лукмана сыну: «Понизь свой голос: ведь самый неприятный из голосов - голос осла». В 62,5 евреи, обремененные Торой, сравниваются с ослом, несущим книги - ka-matali ḥimārin yaḥmilu asfāran. Наконец, в 74,50/51 упорствующие неверующие, бегущие от всякого увещевания, сравниваются с «испуганными дикими ослами, убежавшими от льва». Последнее место особенно важно, потому что, хотя оно построено лишь как краткое сравнение, это один из очень немногих случаев описания животной жизни без непосредственной связи с человеком.

Всего лексемы непарнокопытных встречаются 11 раз - в резком контрасте с anʿām, которые в общем и частном обозначении упоминаются суммарно 94 раза.

5. **Хищники**

Пожалуй, еще более поразительно, чем скромное место непарнокопытных, почти полное отсутствие кошачьих. Даже если хищные кошки в древней Аравии играли не столь большую роль, как можно было бы предположить по их частым упоминаниям в поэзии джахилии, все же можно было ожидать, что эти животные, производившие сильное впечатление на самые разные человеческие группы во времени и пространстве, хотя бы появятся в сравнениях и метафорах.

Фактически встречается лишь qaswara - одно из названий льва (см. выше к 74,50/51), а в 5,3/4 среди пищевых запретов упоминается животное, объеденное sabuʿ «хищником». Любители кошек могут пожалеть, что домашняя кошка, к которой, по преданию, Пророк испытывал особую симпатию, в Коране вообще не названа.

Псовые представлены лишь немного лучше. Kalb «собака» в четырех из пяти употреблений появляется мимоходом в рассказе о спящих отроках в суре 18. Пятое место, 7,176/175: «Он подобен собаке: если ты нападаешь на нее, она высовывает язык, и если оставишь ее в покое - тоже высовывает язык», интересно тем, что в одном из редких описаний животного поведения, по-видимому, звучит почти телесное отвращение к собаке и тем самым нечто вроде личной ноты. Diʾb «волк» назван трижды, только в истории Иосифа (сура 12). Наконец, в связи с пищевыми запретами в 5,4/6 говорится о jawāriḥ - буквально «ранящих [животных]», обученных охоте; здесь, вероятно, имеются в виду или по крайней мере включаются охотничьи собаки.

Всего хищные животные, включая одомашненных, дают лишь 11 употреблений.

6. **Прочие млекопитающие**

Свинья упоминается пять раз: четыре раза при запрете свинины (laḥm al-ḫinzīr) и один раз во множественном числе ḫanāzīr рядом с qirada «обезьяны» как результат превращения наказанных грешников (5,60/65). Наказание превращением в qirada упоминается еще дважды, 2,64/61 и 7,166; во всех трех случаях наказанные - нарушившие закон иудеи. Слон, fīl, назван в первом стихе суры 105, которая носит его имя; согласно преданию, слон был приведен эфиопской экспедицией против Мекки около 570 года. Некоторые млекопитающие подразумеваются также в лексеме ṣayd «охота, охотничья добыча, дичь», четырежды в суре 5 в контексте определенных ритуальных запретов охоты.

7. **Другие сухопутные животные**

Только в контексте преданий кратко называются ṯuʿbān «змея» (7,107/104; 26,32/31) и ḥayya «змея» (20,20/21) - во всех трех случаях это животное, в которое превращается посох Моисея, - а также qummal «вши» и ḍafādiʿ «лягушки», оба в 7,133/130 среди египетских казней. В рассказе о Соломоне в 27,18 дважды встречается naml «муравьи» и однажды namla «муравей»; отсюда название 27-й суры an-Naml. Муравьи разговаривают друг с другом, Соломон подслушивает и понимает их; функция этой детали - подчеркнуть сверхчеловеческую мудрость Соломона как особый дар Бога.

Одно из редчайших описаний животной жизни находится в 29,41, где тех, кто ищет помощи не у Бога, сравнивают «с пауком, который построил себе дом; а самый слабый из домов - дом паука». Трудно решить, действительно ли здесь паутина ошибочно понимается лишь как жилище, а не как ловчая сеть. Если это так - а на это указывает то, что паук обычно весьма успешно пользуется своей паутиной, так что она не кажется естественным символом слабости и уязвимости, - перед нами примечательный признак дистанции текста от самостоятельной, не связанной с человеком животной жизни. По этому месту 29-я сура называется al-ʿAnkabūt «Паук».

Следует упомянуть и 81,5: «и когда дикие звери будут собраны» в апокалиптическом описании. Под wuḥūš здесь, вероятно, подразумеваются прежде всего, но не исключительно, млекопитающие. О собирании животных ср. также 6,38 и 42,29/28.

8. ṭayr - **птицы**

В Коране насчитывается 19 употреблений ṭayr. Слово образовано от корня ṭ-y-r «летать» и исходно означает всякую летающую живность; однако во всех коранических случаях несомненно имеются в виду именно птицы. Наряду с коллективным ṭayr один раз встречается ṭāʾir «птица» в 6,38 (см. выше III.1.e). Кроме того, ṭāʾir еще четыре раза употребляется, например в 7,131/128, в значении «знамение, предзнаменование».

Способность летать, которой человек всегда восхищался и которой завидовал, во многих культурах наделяла птицу чем-то вроде разумности, сопоставимой с человеческой. Отголоски стремления видеть в птице не просто животное неоднократно присутствуют и в Коране, хотя соответствующие сюжеты восходят к иудейским источникам. Особенно близкие отношения с птицами имеют Давид и Соломон. Войско Соломона состоит из «джиннов, людей и птиц» (27,17; ср. 27,20), и Бог научил его «языку птиц» - manṭiq aṭ-ṭayr (27,16). Вместе с горами птицы участвуют в хвале Давида (34,10; ср. 21,79 и 38,19/18).

Кажущееся чудо птичьего полета, особенно неподвижного парения на термических потоках, как проявление божественного могущества подчеркивается в 67,19: «Разве они не видели птиц над собой, расправляющих и складывающих крылья? Никто не удерживает их, кроме Милостивого»; почти то же в 16,79/81. В 24,41 говорится, что парящие птицы славят Бога. Тем самым птицы получают текстовую функцию, аналогичную общей функции däbba, которая уже не приписывается отдельно ни одному виду сухопутных животных.

Примечательно, что в 56,21 laḥm ṭayr «мясо птиц» названо пищей блаженных в Раю, тогда как в качестве пищи там обычно названы только плоды (см. IV.7), а один раз, 52,22, - мясо без уточнения. Имеет ли это символическое значение или всего лишь отражает то, что птица считалась у аудитории текста особым деликатесом, остается открытым.

Как орудие карающего вмешательства Бога птицы выступают в 105,3. Еще три употребления ṭayr относятся к библейским преданиям: чудо оживления в 2,260/262 и сон, истолкованный Иосифом, в 12,36 и 12,41. Четыре раза птицы появляются в рассказах, восходящих к новозаветным апокрифам, где Иисус оживляет птиц, слепленных из глины (3,49/43 и 5,110). Наконец, ṭayr встречается в 22,31/32 в не вполне ясном сравнении многобожника с человеком, падающим с неба и уносимым птицами.

В целом можно сказать, что в подавляющем большинстве случаев ṭayr имеет явную связь с «вне-» или «надземным». Это особое положение птиц, возможно, было одной из причин того, что в коранической картине мира не сформировалось всеобъемлющее понятие «животное», подобное современному.

9. **Летающие животные**

Отдельные виды птиц появляются только в преданиях: salwā «перепела» трижды в рассказах о пропитании израильтян в пустыне, например 2,57/54; ġurāb «ворон» дважды в рассказе о Каине и Авеле (5,31/34); hudhud «удод» как посланник Соломона в 27,20; последующие стихи описывают действия этого удода и дают ему довольно длинную прямую речь.

Из летающих насекомых фигурируют baʿūḍa «комар» (2,26/24) и ḏubāb «муха» дважды в 22,73/72 - оба как символ малости и ничтожности; jarād «саранча» в 7,133/130 как египетская казнь и в 54,7 как объект сравнения для воскресших, роем выходящих из могил в Судный день - примечательное сравнение, предполагающее личное наблюдение нашествий саранчи; farāš «мотыльки» в 101,3 - «рассеянные мотыльки», с которыми сравниваются люди при наступлении конечной катастрофы; и, наконец, naḥl «пчелы».

Пчелам в 16,68f/70f дается подробное божественное наставление о способе их жизни и местах обитания. Интерес к ним, конечно, мотивирован упоминаемым там напитком, выходящим из их брюшек, - медом, который является «исцелением для людей». Поэтому прежде всего это пример (ʿibra) божественной заботы о человечестве, хотя он и дает повод для сравнительно подробного описания животной жизни. По этому месту 16-я сура называется an-Naḥl «Пчелы».

10. **Водные животные**

Водные животные играют в Коране совершенно маргинальную роль; ни один вид не назван собственным видовым именем. Упоминаются только ḥūt и nūn - оба «рыба». Первое слово встречается четыре раза в единственном числе и один раз во множественном ḥītān, всегда в связи с преданиями: Иона в 37,142 и как ṣāḥib al-ḥūt в 68,48; Моисей у источника жизни в 18,61/60 и 18,63/62; иудеи, нарушающие субботу рыбной ловлей, в 7,163. Второе слово встречается лишь один раз - в обозначении Ионы в 21,87 как ḏū n-nūn. Можно добавить три уже обсуждавшихся в разделе II места, где laḥm ṭariyy «свежее мясо» и ṣayd al-baḥr «морская добыча» косвенно указывают на рыбную ловлю.

Упоминаются также luʾluʾ «жемчуг» шесть раз и marjān «кораллы» дважды, но совершенно неясно, был ли животный источник этих драгоценностей известен аудитории текста или же они просто связывались с морем так же, как драгоценные металлы и камни - с землей. В любом случае luʾluʾ и marjān являются лишь продуктами животного происхождения и согласно принципу I.E.d здесь не рассматриваются.

Безразличие к водным животным, несомненно, связано с преимущественно континентальной средой аудитории текста, вероятно редко имевшей возможность наблюдать и пресноводную фауну. С другой стороны, морское и речное судоходство в Коране представлено хорошо: возможность передвигаться по водам на кораблях неоднократно, например в 2,164/159, называется чудесным знаком (āya) божественной силы и благости.

11. **Резюме**

Рассмотренные в разделах 1–10 слова имеют в кораническом тексте в общей сложности 200 употреблений, распределенных следующим образом:

däbba/dawābb - 18
naʿam/anʿām - 33
верблюды - 31
крупный рогатый скот - 19
овцы и козы - 9
лошади, ослы, мулы - 11
прочие млекопитающие - 25
прочие сухопутные животные - 10
ṭayr/ṭāʾir - 24
птицы и летающие насекомые - 13
водные животные - 7

Эти числа, разумеется, необходимо читать в контексте изложенного выше и ни в коем случае нельзя автоматически выводить из частоты пропорциональную значимость в тексте. Достаточно вспомнить, что крупный рогатый скот встречается исключительно в преданиях, тогда как приблизительно столь же частые ṭayr/ṭāʾir входят в утверждения общего значения.

Упоминания животных легко распределяются по четырем областям.

1. Предания. Здесь встречается сравнительно большое число разных животных, но они никогда подробно не описываются и не индивидуализируются. Это просто объекты, которые присутствуют в сюжете и потому должны быть названы.

2. Нормативные предписания. В соответствии с законами и запретами о пище, охоте и жертвоприношениях приходится назвать несколько видов животных, опять-таки без их подробной характеристики.

3. Проповедь. Здесь животные служат демонстрацией силы, мудрости и благости Бога. Лексика стереотипна: почти исключительно däbba/dawābb, anʿām и ṭayr/ṭāʾir используются для этой цели.

4. Сравнение. Сравнение человеческого характера и поведения с животными применяется ограниченно: лишь семь животных/обозначений - dawābb, anʿām, ḥimār/ḥumur, kalb, ʿankabūt, farāš, jarād - служат в общей сложности в одиннадцати таких сравнениях. Отдельный случай - сравнение адских искр с jimāla. Показательно, что все эти сравнения, кроме jarād и jimāla, используются для отрицательной характеристики: глупости, слабости и т. п. Кроме того, именно сравнения дают почти единственную возможность - пусть кратко -

описать поведение животных: ḥumur/qaswara, kalb, ʿankabūt, jarād. Вне этого животная жизнь затрагивается лишь в описании полета птиц и жизни пчел.

Эти наблюдения согласуются со следующими уже разобранными или вытекающими из молчания текста фактами.

a. Лишь дважды - anʿām/«красота» и непарнокопытные/«украшение» - выражается эстетическая радость от животного, и даже там она является следствием материальной или престижной пользы.

b. Говорящие животные встречаются четыре раза: дважды в прямой речи - удод и муравьи; далее язык птиц и речь апокалиптической däbba. Во всех случаях речь идет о рассказах, производных от внешних источников; в трех из них участвует Соломон.

c. За исключением этих случаев, нигде нет начала персонификации животных.

d. Животные крайне редко представлены как противники или опасность для человека: лягушки, вши и саранча как египетские казни, волк в истории Иосифа.

e. Животные практически не связаны с представлением о Рае, если не считать по одному упоминанию laḥm и laḥm ṭayr как пищи.

f. Внечеловеческие разумные существа - к которым в определенном смысле можно отнести и птиц - не взаимодействуют с животным миром; в частности, отсутствуют териоморфные демоны, игравшие заметную роль в древнеарабских и позднейших представлениях.

g. Ни одно животное не названо индивидуальным именем; животные как индивидуально действующие субъекты почти полностью отсутствуют. Исключение - удод. (Позднейшие толкователи, конечно, пытались увидеть в загадочном ar-raqīm в 18,9/8 имя собаки спящих отроков.)

Все это можно свести к еще более краткому выводу. Коран прежде всего рассматривает животное как объект эксплуатации человеком, дозволенной божественной благостью, а во вторую очередь - как источник назидания человеку в его отношении к Богу. Поэтому животные практически всегда воспринимаются массово и по видам.

Хотя некоторые из этих аспектов отражают общеарабское отношение к животным, коранический животный мир резко контрастирует с животным миром арабской литературы той же эпохи, особенно поэзии джахилии. Поэзия, выросшая в среде пустынно-степной жизни, чрезвычайно богата подробными описаниями внешности и поведения как диких, так и домашних животных. В Коране, напротив, проявляется совсем новая, почти современная установка - взгляд горожанина, редко имеющего возможность непосредственно наблюдать животных и интересующегося ими прежде всего из-за пользы. Вся «бесполезная» степная фауна - хищники и хищные птицы, газели, страусы - игнорируется. Более того, текст обращен к средней, оседлой аудитории, которую, по-видимому, уже мало трогает типичный для поэзии аристократический

мир благородных скаковых коней и верблюдов, охоты и воинской жизни. И в этом смысле с Кораном наступает новая эпоха.

IV. **Растительный мир**

1. **Предварительные замечания**

Методический принцип, примененный к животному миру - выделять и обсуждать лексически только целые живые организмы (см. I.E.d), - для растительности последовательно соблюдать нельзя. С одной стороны, конкретных видов здесь сравнительно мало; с другой, текстуально чрезвычайно важны агрегаты - сады, луга, поля - и части растений - плоды, семена. Поэтому при отборе лексем для подробного рассмотрения мы прежде всего ориентируемся на частотность в тексте. Не включенные в обсуждение лексемы перечисляются в приложении.

Как и животный мир, растительность в Коране прежде всего служит доказательством силы и заботливой благости Бога. Поэтому внимание преимущественно направлено на возделываемую, то есть полезную растительность. Однако немало мест включают также или исключительно дикорастущий растительный мир, особенно там, где растения полезны как корм для anʿām (10,24/25; 20,54/56; 32,27; 79,33; 80,32), или где описывается растительность, быстро вырастающая после дождя и вскоре увядающая; подробнее см. ниже.

В целом бросается в глаза, что текст содержит не менее одиннадцати довольно подробных описаний земной растительности - как в легендарных рассказах, так и в настоящем времени откровения. Они распределены по всем периодам откровения: 2,61/58; 6,99; 6,141/142; 16,10f; 18,32–34/31f; 23,19f; 26,147f; 36,33–36; 50,7–11; 55,11f/10f; 80,26–32. Для фауны ничего сопоставимого нет - разве что 16,5–8. Это указывает на принципиально иное отношение к растительному миру. Сюда же относится радость от красоты растений, не сводимая к пользе (ср. III.11.a и ниже 2.C).

Хорошо растущая культурная растительность постоянно представляется как особенно желанное имущество, почти как воплощение земного счастья. Апофеозом этого представления является, конечно, лишенный животных Рай, изображаемый как сад и плантационный ландшафт с изобилием воды. О растительности вообще следует также помнить наблюдение о парности, сделанное в разделе II.

2. **Три главные темы**

A. Первая из трех основных коранических тем, связанных с растительностью, - описание роста растений как проявления силы и благости Бога. К ней относятся не менее 40 мест. В большинстве - 29 - прямо названо ниспосылаемое Богом с неба водное благо, дождь, служащий средством оживления мертвой земли (ср. II). Типичные примеры: 16,65/67 - «Бог ниспослал с неба воду и оживил ею землю после ее смерти»; 22,63/62 - «Разве ты не видел, что Бог ниспослал с неба воду, и земля стала зеленой?»; без упоминания воды - 80,26f: «Затем Мы рассекли землю и взрастили в ней зерна».

Знамение оживления мертвой земли имеет дополнительное значение как гарантия конечного воскресения мертвых. В семи из 40 мест, пяти из них с упоминанием воды, воскресение прямо связывается с этим образом. Например 30,19/18: «Он оживляет землю после ее смерти, и так же вы будете выведены [из могил]»; 41,39: «К Его знамениям относится то, что ты видишь землю безжизненной; когда же Мы ниспосылаем на нее воду, она приходит в движение и набухает. Тот, кто оживил ее, непременно оживит и мертвых». Остальные места: 7,57/55; 30,50/49; 35,9/10; 43,11/10; 50,11. Знамением считается и то, что одно и то же водное средство - bi-māʾin wāḥidin - вызывает совершенно разные виды растительности (13,4).

B. Вторая главная тема - постоянная уязвимость растительности перед воздействием среды, температурными колебаниями и недостатком воды, а вместе с тем указание на бренность всего земного и на то, что оно в любой момент находится под непосредственным божественным воздействием. Эта тема встречается реже первой - лишь в 13 местах; в пяти местах обе темы соединены. Типичные примеры: 18,45/43 - «Жизнь в этом мире подобна воде, которую Мы ниспослали с неба: с нею смешалась растительность земли, а затем стала сухим сором, который развеивают ветры»; 39,21/22 - «Затем Он выводит ею [водой] посевы разных видов, затем они высыхают, и ты видишь их пожелтевшими, затем Он превращает их в ломкий сор». Ср. особенно 3,117/113 и 87,4f.

C. Третья основная тема, также представленная в 13 местах, - многообразие и видовое богатство растительности. В четырех местах дикция передает спонтанное восхищение и радость, которых нельзя обнаружить по отношению к животному миру: 15,19 - «и Мы взрастили на ней [земле] всякую гармоничную вещь»; 26,7/6 - «Разве они не посмотрели на землю, сколько благородных видов Мы взрастили на ней?»; сходно 31,10/9; 50,7 - «и Мы взрастили на ней всякий прекрасный вид». Характерна и формулировка 10,24/25: «когда земля принимает свой наряд и украшает себя».

Далее рассматриваются по отдельности все лексемы растительности, встречающиеся более пяти раз. Лексема nabāt уже обсуждалась в разделе II и здесь не повторяется.

3. janna - **сад**

С 147 употреблениями, включая формы двойственного и множественного числа, janna с большим отрывом является самой частой лексемой биосферы вообще. Это связано с тем, что этим словом обозначаются Эдем и Рай; согласно ограничению I.E.e в такой функции слово не исследуется. Применительно к земным условиям janna встречается лишь 24 раза: семь раз в единственном числе, пять - в двойственном и двенадцать - во множественном jannāt.

Растения, растущие в этих садах, названы лишь в четырех местах - 2,266/268; 17,91/93; 23,19; 36,34 - и всякий раз это «финиковые пальмы и виноградники». Следовательно, под janna следует понимать не декоративный сад, а сравнительно большую плантацию; ср. также 25,8/9: jannatun yaʾkulu minhā, буквально «сад, из которого он ест». Земная janna, таким образом, - имущество, гарантирующее пропитание и благополучие; поэтому с ней могут сравниваться щедрые люди (2,265/267). Утрата или гибель janna используется для демонстрации могущества Бога, например в 2,266/268 и 34,16/15; ср. выше 2.B.

Особо следует отметить jannāt maʿrūšāt wa-ġayr maʿrūšāt - «сады с опорами/решетками и без них» (6,141/142), а также загадочную jannat al-maʾwā «сад прибежища» (53,15).

Хотя лексемы rawḍa и ḥadīqa встречаются редко, из-за их смысловой близости к janna они также заслуживают упоминания. Rawḍa - место с пышной растительностью, «сад, луг» - дважды встречается в единственном числе (30,15/14) и во множественном rawḍāt (42,22/21) в описаниях Рая. Ḥadīqa, буквально «огороженный, окруженный сад», появляется только во множественном ḥadāʾiq: дважды в земном контексте - 27,60/61: «и Мы взрастили ею [водой] прекрасные сады, деревья которых вы не могли бы вырастить», ср. выше 2.C; и 80,30 ḥadāʾiq ġulb «сады с густой растительностью» в длинном описании растительности - и третий раз в 78,32 рядом с aʿnāb «виноградниками» в Раю.

Культурные скопления растений отражены также в двух следующих лексемах.

4. ḥarṯ - пашня, посевное поле

Лексема ḥarṯ встречается 13 раз. Первоначально это отглагольное существительное от ḥaraṯa «пахать, обрабатывать землю», затем конкретизированно - «обрабатываемая площадь, поле под зерновые». Эсхатологическая отсылка имеется только в 42,20/19: «Кто желает возделывать поле будущей жизни, тому Мы увеличим его поле; а кто желает возделывать поле этой жизни, тому Мы дадим из нее, но в будущей жизни у него не будет доли». Здесь ḥarṯ, однако, лишь метафора усилия и устремления - то есть «тот, кто направляет свое внимание на будущую/земную жизнь» - и не служит описанию Рая. Для этого слово едва ли подходило бы из-за неизбежной ассоциации с тяжелым физическим трудом.

Примечательная метафора находится также в 2,223: nisāʾukum ḥarṯun lakum faʾtū ḥarṯakum annā šiʾtum - «ваши жены - пашня для вас; приходите к вашей пашне, как/когда пожелаете». В 3,14/12 ḥarṯ назван последним среди владений, кажущихся человеку желанными; ср. выше anʿām и ḫayl.

5. zarʿ - посев, посевы

Лексема zarʿ встречается десять раз, из них дважды во множественном zurūʿ. Первоначально это отглагольное существительное от zaraʿa «сеять», затем - «посеянное, растения». Все употребления в единственном числе почти синонимичны nabāt, особенно когда слово является объектом глаголов jaʿala (18,32/31), aḫraja (32,27; 39,21/22), anbata (16,11) и anšaʾa (6,141/142), причем субъектом всегда выступает Бог. Два множественных употребления - 26,148 и 44,26/25 - означают «обрабатываемые поля».

Связи с Раем нет, вероятно, по той же причине, что и у ḥarṯ: сказывается ассоциация с тяжелым трудом. Разумеется, и процветающая janna требует большого труда, но за janna, возможно, закреплен ореол роскоши - вспомним растущие там aʿnāb «виноградники», - тогда как ḥarṯ и zarʿ скорее ассоциировались с производством основных продуктов питания. Это может объяснить их исключительно земной характер в противоположность janna.

Особый интерес представляет 14,37/40, где область вокруг Мекки в устах Авраама названа wādin ġayri ḏī zarʿ - «долиной без посевов».

Польза, извлекаемая человеком из растительности, прямо выражается в двух следующих лексемах.

6. ṯamar - **плоды**

Лексема ṯamar употребляется 22 раза: пять раз как коллективное ṯamar, один раз как индивидуальное единственное ṯamara и 16 раз во множественном ṯamarāt. Более точное определение дается лишь один раз - 16,67/69: «плоды финиковых пальм и виноградников». С Раем слово связано только дважды - 2,25/23 и 47,15/17 - как пища блаженных. В подавляющем большинстве случаев ṯamar обозначает обычное земное пропитание, дарованное Богом, но одновременно находящееся под постоянной угрозой непосредственного божественного вмешательства. Типичные примеры: 2,22/20 - «Он ниспослал с неба воду и ею вывел для вас плоды как пропитание»; сходно 14,32/37; 7,130/127 - «убыль плодов» как наказание египтян.

7. fākiha - **фрукты**, **плоды**

Лексема fākiha встречается 14 раз: одиннадцать раз в коллективной форме единственного fākiha и трижды во множественном fawākih «виды плодов». Если ṯamar охватывает все плоды, в том числе полевые, то fākiha, этимологически не вполне ясно связанная с корнем f-k-h «быть веселым, радостным», вероятно, означает именно вкусные, приятные фрукты. Это особенно подтверждается тем, что в девяти из 14 употреблений fākiha/fawākih относятся к Раю. Более того, именно они выступают типичной райской пищей блаженных, которым мясо приписывается лишь дважды (см. III.11.e). Нигде fākiha не уточняется по виду. Пример: 43,73 - «для вас в нем [Раю] множество плодов, из которых вы едите»; сходная формула о земных садах встречается в 23,19.

Примечание. По словообразовательной модели karata «печалить» - kārita «бедствие» субстантивированное активное причастие fākiha предполагало бы глагол fakaha «веселить, услаждать», однако засвидетельствован, по-видимому, лишь непереходный корень fakiha «быть веселым, довольным»; ср. Lane 3432a.

Числовые отношения, отмеченные здесь и в п. 6, дают достоверную и сильную положительную корреляцию между fawākih и «райским», а также между ṯamar и «земным»; автор приводит соответствующие статистические показатели с поправкой Йейтса и коэффициентом Юла.

8. ḥabb - **зерна**, **семена**

После плодов особое значение среди частей растений имеют семена. Лексема ḥabb встречается в тексте 12 раз: семь раз как коллективное ḥabb и пять раз как индивидуальное

единственное ḥabba. Трижды зерно служит образом чего-то ничтожно малого, но не пренебрегаемого Богом: 6,59 - «не падает ни один лист без Его ведома и нет ни одного зерна во мраке земли [которого Он не знал бы]». В 21,47/48 и 31,16/15 говорится, что даже miṯqāl ḥabba min ḫardal - «вес горчичного зерна» - будет учтен на Последнем суде.

В 6,95 прорастание прямо названо делом Бога: «Бог - Тот, кто расщепляет зерно и косточку». Наблюдение умножения зерен в растительном цикле лежит в основе сравнения щедрых людей в 2,261/263: «подобно зерну, которое произрастило семь колосьев, и в каждом колосе по сто зерен».

9. šajar - **деревья**, **кустарники**

Форма дерева, сравнительно слабо представленная в среде аудитории текста, имеет в Коране отчетливо экзотические и даже потусторонние коннотации. Однако под šajar включаются и кустарники, обычные для пустынной степи. Всего лексема встречается 26 раз: семь раз как коллективное šajar и 19 раз в индивидуальном единственном šajara. Не всегда можно однозначно решить, следует ли переводить ее как «дерево» или «кустарник».

Потусторонний характер имеет запретное дерево в Эдеме - шесть употреблений от 2,35/33 до 20,120/118 - и адское дерево zaqqūm, šajar min zaqqūm / šajarat az-zaqqūm, пять употреблений: 17,60/62; 37,62/60; 37,64/62; 44,43; 56,52. Потусторонние ассоциации имеет и «благословенное оливковое дерево» - šajara mubāraka zaytūna - в знаменитом стихе Света 24,35, породившем множество толкований.

Во внеарабской среде šajara встречается в 23,20 - оливковое дерево на Синае; 28,30 - Моисей и горящий терновый куст; 37,146 - рассказ об Ионе; а также в изречениях иудейско-христианского происхождения: 14,24–26/29–31 - сравнение доброго/дурного слова с добрым/дурным деревом; 31,27/26 - даже если бы все деревья мира стали письменными тростями, их не хватило бы, чтобы записать слова Бога. Дважды, 22,18 и 55,6/5, говорится, что и šajar падают ниц перед Богом - это единственные случаи, где подобное поклонение особо приписывается растительному миру.

Пальма, вероятно, не включается в šajar: для араба она воспринимается как особый класс, стоящий отдельно от прочих деревьев. Что именно лежало в ботанической основе представления о дереве zaqqūm, определить невозможно. Позднее zaqqūm часто отождествлялся с олеандром; в современном турецком zakkum стало обычным словом для олеандра.

Явно арабской среде принадлежат указания на получение огня трением из šajar как на божественный дар человечеству (36,80; 56,71f/70f), а также на значение кустарников как пастбищного корма (16,10). Ср. также употребление ḥadāʾiq выше в п. 3. В 16,68 šajar служат местом обитания пчел. Наконец, в 48,18: «когда они присягали тебе в Худайбийе под деревом» - конкретное событие из жизни Пророка локализуется посредством определенного дерева.

Для šajar автор перечисляет контексты всех употреблений, чтобы показать широкий спектр значений и коннотаций. Видно, что лишь примерно в четверти мест šajar предстает в арабской

среде как нечто повседневное; доминирует образ чужеземного растения, наделенного чем-то таинственным и указывающим за пределы земного.

Отдельно названных видов растений сравнительно немного. Чаще пяти раз встречаются только три вида, рассматриваемые ниже.

10. naḫl - **финиковые пальмы**

Эта столь важная для хозяйства Аравии культурная культура упоминается 20 раз: одиннадцать раз в коллективном naḫl, дважды в индивидуальном naḫla и семь раз во множественном naḫīl. Это единственное растение, которое Коран описывает несколько подробнее: 6,99; 13,4; 26,148; 50,10; 55,11/10.

В соответствии со значением пальм разрушенные пальмовые насаждения дают выразительный образ народа ʿĀд, пораженного божественным судом: 54,20 - «стволы выкорчеванных пальм»; 69,7 - «поваленные стволы пальм». О связи с садами см. выше, п. 3, четыре места. Лексема неоднократно встречается и в преданиях во внеарабской среде, особенно 19,23 и 19,25 - рождение Иисуса, 20,71/74 - Моисей перед фараоном, а один раз - в описании Рая (55,68). Странно, что сами финики, которым пальма обязана своим хозяйственным значением, названы лишь один раз - в 19,25 как ruṭab, буквально «влажное», то есть свежие финики; еще один раз встречается ṯamarāt an-naḫīl «плоды пальм» в 16,67/69.

11. ʿinab - **виноградники**

Виноградные лозы упоминаются одиннадцать раз: дважды в коллективном единственном ʿinab и девять раз во множественном aʿnāb. Возможно, в соответствии с определенной техникой выращивания виноградники чаще всего, в семи местах, называются вместе с финиковыми пальмами. Особенно показательно 18,32/31: «два виноградных сада; Мы окружили оба пальмами и устроили между ними посевное поле». Однако текстовое сочетание лоз и пальм может быть и просто формулой.

Эта культура роскоши, используемая для производства опьяняющего напитка, который, как известно, лишь в позднем откровении был окончательно запрещен, также растет в Раю (78,32).

12. zaytūn - **оливковые деревья**

Коллективное единственное zaytūn встречается пять раз, индивидуальное zaytūna один раз - в стихе Света 24,35, см. п. 9. Все пять употреблений zaytūn находятся в описаниях пышной земной растительности; одно из них, 95,1, отсылает к Синаю. Ср. также 23,20, где оливковые деревья на Синае описываются без прямого называния.

13. **Прочие растения**

Помимо naḫl, ʿinab и zaytūn в Коране имеются еще 19 лексем, обозначающих отдельные виды растений или их группы. Эти слова встречаются редко - максимум четыре раза, обычно лишь один раз; всего 26 употреблений. Поэтому автор ограничивается списком. Если число употреблений больше одного, оно указано в скобках. В ряде случаев значение не вполне ясно или весьма расплывчато; тогда приведен перевод Парета (P).

abb - корм (P)
atl - тамариски
baṣal - лук
baql - зелень, овощи (P)
tīn - фиговое дерево/инжир
ḫardal (2) - горчичные зерна
ḫamṭ - терновник (P)
sidr (4) - сидр, лотосовое/терновое дерево
zanjabīl - имбирь
rummān (3) - гранатовое дерево, гранаты
rayḥān (2) - ароматные травы (P), позднее чаще базилик
ḍarīʿ - высохшие колючие кустарники (P)
ṭalḥ - акации или банановые деревья
ʿadas - чечевица
fūm - чеснок
qiṯṯāʾ - огурцы
qaḍb - кормовые растения (P)
līna - пальмы (P)
yaqṭīn - тыква (P), таково позднейшее и современное значение

14. **Резюме**

Если подводить итог по аналогии с III.11, рассмотренные в разделах 3–13 слова имеют в общей сложности 189 употреблений, распределенных так:

janna/jannatān/jannāt, земные - 24
rawḍa/rawḍāt - 3
ḥadāʾiq - 2
ḥarṯ - 13
zarʿ/zurūʿ - 10
ṯamar/ṯamara/ṯamarāt - 22
fākiha/fawākih - 14
ḥabb/ḥabba - 12
šajar/šajara - 26
naḫl/naḫla/naḫīl - 20

ʿinab/aʿnāb - 11

zaytūn/zaytūna - 6

прочие виды растений - 26

По аналогии с III.11 области, к которым относятся упоминания растительного мира, можно охарактеризовать следующим образом.

1. Как и животные, растения встречаются в преданиях. Разнообразие видов здесь меньше, но значение растительности выше: мораль рассказа неоднократно выводится из событий, включающих растительные явления, например 18,32–44/31–42 или 34,15–17/14–16.

2. В коранических нормативных предписаниях растения, кроме запрета алкоголя, почти не играют роли.

3. В проповеди растительный мир выполняет ту же функцию, что и фауна, однако при заметно большем лексическом разнообразии.

4. Как прямой объект сравнения растения и растительные явления используются примерно столь же часто, как животные: в девяти местах - 2,223; 2,261–263; 2,265/267; 3,117/113; 10,24/25; 14,24–26/29–31; 18,45/43; 48,29; 57,20/19. Эти сравнения, однако, значительно сложнее и могут служить также положительной характеристике сравниваемого.

Дополнительные выводы из разобранных выше фактов таковы.

a. В сравнительно подробных описаниях сложной растительности и в ряде мест, где сама дикция передает восхищение и радость, ощущается отношение, явно отличное от отношения к животному миру.

b. В представлении о Рае отношение к растительности доведено до высшей степени и тем самым становится еще яснее. Образ блаженных в пышном саду, конечно, не является оригинально коранический, но усиление этого образа в арабской среде существенно для нашего вопроса.

c. Как и в отношении к фауне, здесь отражена аудитория, цивилизационно далеко отошедшая от аристократического воина и охотника пустынной степи поэзии джахилии: это оседлое население, зависящее в повседневном пропитании от культурной растительности и воспринимающее внешнюю природную среду прежде всего как пугающий образ постоянной угрозы неудачи земледельческого труда.

V. **Диахронические сдвиги**

Остается спросить, прослеживаются ли изменения в текстовом использовании лексем биосферы внутри самого Корана, который, как известно, провозглашался Пророком в течение

длительного времени - приблизительно двух десятилетий - и при сильно меняющихся внешних условиях. Для этого автор использует периодизацию сур по Нёльдеке: три мекканских и один мединский периоды обозначаются M1, M2, M3 и Md.

Если распределить по этим четырем периодам рассмотренные выше 200 употреблений животных и 189 употреблений растительных лексем, получаются следующие соотношения между фактически наблюдаемыми (obs) и теоретически ожидаемыми при случайном распределении (theor) числами:

Период	Животные obs	Животные theor	Растения obs	Растения theor
M1	16	15.8	37	14.9
M2	43	45.0	59	42.5
M3	72	67.0	65	63.3
Md	69	72.2	28	68.2

(В исходной печатной таблице цифры набраны плотно; здесь они переданы в читаемом виде по структуре таблицы.)

Под obs понимаются действительно наблюдаемые употребления, под theor - числа, которые следовало бы ожидать при случайном распределении 200 и 189 употреблений по всему тексту. Тест χ^2 подтверждает первое впечатление. Для животных наблюдаемое распределение лишь незначительно отличается от случайного. Для растений, напротив, оно совершенно несовместимо со случайным: в M1 имеется очень сильный избыток наблюдаемых употреблений над теоретически ожидаемыми, в M2 - менее сильный, но все еще явный избыток, в M3 - доля примерно соответствует ожиданию, а в Md наблюдается чрезвычайно сильный дефицит. Это означает, что употребление лексики растительности - и тем самым функция растительности в целом - диахронически постоянно сокращается. Иными словами, описания и упоминания растительности типичны прежде всего для раннего Корана.

При этом менее или более надежные вставки из других периодов не учитывались; расчет поэтому лишь приблизителен, и внимания заслуживают только очень сильные эффекты. Для распределения сур по периодам автор ссылается на Theodor Nöldeke, Geschichte des Qorāns, 2-е изд., перераб. Friedrich Schwally, т. 1, Leipzig, 1909.

Расчет основан на оценке доли каждого периода в общем тексте: M1 - 7,9 %, M2 - 22,5 %, M3 - 33,5 %, Md - 36,1 %. Эти доли относятся к числу текущих слов, а не к стихам, длина которых сильно различается.

Можно предположить, что в случае животных близость общего распределения к случайному объясняется тем, что животные выполняют более сложные и разнообразные функции, чем растения: в частности, в отличие от растений они появляются в нормативных предписаниях и, хотя с небольшой керигматической значимостью, очень разнообразно присутствуют в преданиях; диахронические различия этих функций взаимно компенсируются. Проверка подтверждает это. Если исключить все употребления животных в нормативных стихах, получается следующее распределение:

Период	Наблюдаемое (obs)	Ожидаемое (theor)
M1	16	13.3
M2	43	37.8
M3	64	56.3
Md	45	60.6

Такое распределение уже с трудом совместимо со случайным ($\chi^2 \approx 6{,}3$, вероятность незначимости различий около 10 %); особенно, как и у растений, в Md виден заметный дефицит.

Можно пойти еще дальше и изучить распределение отдельных лексем. Автор делает это для четырех сравнительно частых лексем: anʿām, däbba, naḫl, ṯamar.

Период	anʿām obs/theor	däbba obs/theor	naḫl obs/theor	ṯamar obs/theor
M1	2 / 2.6	0 / 1.4	4 / 1.6	0 / 1.7
M2	7 / 7.4	1 / 4.1	10 / 4.5	3 / 5.0
M3	16 / 11.1	12 / 6.0	5 / 6.7	13 / 7.4
Md	8 / 11.9	5 / 6.5	1 / 7.2	6 / 7.9

По проведенному χ^2-тесту наблюдается следующее: 1) anʿām и ṯamar не показывают значимых отклонений от соответствующего случайного распределения; 2) däbba типична для M3; 3) naḫl несовместима со случайным распределением и распределена статистически незначимо иначе, чем растительные лексемы в целом.

Результаты раздела V не следует переоценивать: они связаны с рядом неопределенностей. Однако в общих чертах прослеживается существенное изменение функции биосферы в провозглашении коранической вести. По мере усиливающейся политизации пророческой проповеди взгляд все больше отворачивается от живой природы, которая, впрочем, с самого начала рассматривалась прежде всего под доминирующим углом ее полезности для человека.

Приложения

В следующих приложениях собраны те области субстантивной лексики Корана, относящейся к биосфере, которые согласно I.E.d не рассматривались в основной части исследования. Эти списки - без указания частотности - призваны ради известной полноты документировать точность и степень детализации, с которой биосфера отражается в тексте. О переводах и помете P см. IV.13.

Приложение I. Части и выделения тела животного или человека - 62 лексемы

anf - нос

badan - тело
bašar - кожа
baṭn, мн. buṭūn - живот
banān - пальцы
bayḍ - яйца
jasad - тело
jism - тело
jabīn - лоб
jild, мн. julūd - кожа, шкуры
janāḥ - крыло
jawf - внутренняя часть тела
jīd - шея
qulqūm - горло
ḥanājir, мн. - глотки
ḥawāyā, мн. - внутренности (Р)
ḫadd - щека
ḫurṭūm - морда, хобот (Р)
damʿ - слезы
dam - кровь
ḏirāʿ - рука, предплечье
aḏqān, мн. - подбородки
raʾs, мн. ruʾūs - голова
rijl, мн. arjul - нога, стопа
rīš - перья
sinn - зуб
sāq, мн. sūq - голень, нога
šuḥūm, мн. - жир
šaʿr, мн. ašʿār - волосы
ṣadr, мн. ṣudūr - грудь
ṣūf - шерсть
ẓufr - коготь
ẓahr, мн. ẓuhūr - спина
ʿaḍud - плечо, верхняя часть руки
ʿaẓm, мн. ʿiẓām - кость
ʿaqib, мн. aʿqāb - пятка
ʿasal - мед
ʿalaqa - эмбрион (Р), буквально «сгусток»
ʿunuq, мн. aʿnāq - шея, затылок
fuʾād, мн. afʾida - сердце
farṯ - содержимое желудка (Р), навоз, находящийся еще в животе животного
farj - щель, вульва; мн. furūj - pudenda, половые органы
fūh, мн. afwāh - рот

[На этом месте заканчивается предоставленный фрагмент статьи.]